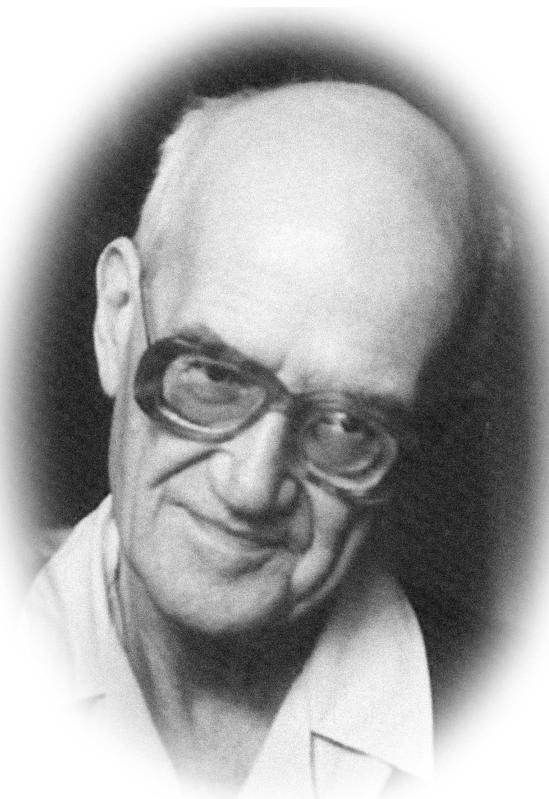

*Искусство
и действительность*

*Искусство
и действительность*

МИХАИЛ ГАСПАРОВ
ПОЭТ И ПОЭЗИЯ

УДК 821.0
ББК 83.3
Г22

*Перевод на русский язык, примечания М. А. Гаспарова
Вступительная статья А. В. Маркова*

Гаспаров, Михаил Леонович

Г22 Поэт и Поэзия / М. А. Гаспаров ; [пер. на рус. яз.,
прим. М. А. Гаспарова; вступ. ст. А. В. Маркова]. —
М. : РИПОЛ классик, — 396 с. — (Искусство и
действительность).

ISBN 978-5-519-64969-8

М.Л. Гаспаров — крупнейший исследователь истории
стиха и поэзии, соединивший точные научные методы, ла-
коничное описание сложных художественных явлений и
широкайшую историческую перспективу от Античности
до наших дней. В сборник вошли работы, посвященные
судьбам поэзии в истории, роли личности поэта для ре-
формы стиха и сменам эпох в искусстве и в поэзии. Работы
Гаспарова остаются образцовой школой интерпретации
поэтического языка и понимания словесной культуры, и
их изучение необходимо для понимания всемирной лите-
ратуры.

УДК 821.0
ББК 83.3

© Зотова А.М., перевод,
примечания, 2018
© Марков А.В.,
вступительная статья, 2018
© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

ISBN 978-5-519-64969-8

Александр Марков

Счастливый труд и счастливое постоянство М. А. Гаспарова

Михаил Леонович Гаспаров (1935—2005) — гений труда и гений благородства. Иногда эти два начала противопоставляют: как-то раз Марина Цветаева, обрушившись на Валерия Брюсова, заметила, что если Наполеон создал орден героев чести (Почетный легион), то Ленин, к которому Брюсов поступил на литературную службу, создал орден героев труда. Труд — вещь безрадостная, в отличие от чести. Но Гаспаров был и почитателем Валерия Брюсова с самой молодости, и героем труда много большим, чем его поэтический кумир. Время Гаспарова определило норму труда как норму жизни.

Так бывает в эпохи стеснений: Сенека или Прокл чувствовали, что они живы, пока могут писать и говорить. Но Гаспаров не то чтобы трудился, чтобы можно было дышать, но трудился как дышал: глубоко вдохнуть и задуматься, ощу-

тить воздух и догадаться — это было для филолога почти одно. Древнегреческое слово для ума, *νοῦς*, родственно русскому «нюх»: дело здесь не в чуткости или даже догадливости, а в умении мыслить то, что прямо перед тобой: мыслить как необходимое и при этом уже наполнившее тебя.

Эпоха, в которую жил М.Л. Гаспаров, не была щедра к ученым-гуманитариям: ни годы учений, ни годы странствий не были тем, чем должны были бы быть. В школе предназначались для изучения законы физики, но не было законов человеческого общежития. «Полустанок Александрия», по замечанию поэта Виктора Кривулина, был за тысячи километров и за тысячи лет от настоящей Александрии. И странствовать можно было разве с рюкзаком, где «иллюзия и дорога», но не там, где система дорог от Рима до всего мира. Гаспаров так и остался невзыскательным путешественником: в Московском метро он стоял со счетами, подсчитывая ритмику стихов, в поездах ездил общим вагоном, а оказавшись в Риме, просто сетовал на то, что не везде видны улицы древнего Вечного города.

По образованию М.Л. Гаспаров — филолог-антиковед: латинский и древнегреческий языки преподавали ему в университете бывшие учителя

гимназий, с чувством и вдохновением, но без желания создавать и поддерживать риторическую норму письма, что прежде было очевидной целью изучения классической словесности. Писать было в некоторые годы небезопасно, университетские профессора не хотели оставлять лишних улик своей мысли; да и то чувство языка, которое они пестовали, взывало больше к устным импровизациям и догадкам. Гаспаров признавался, что писать его научил С.А. Соболевский, руководивший в Институте мировой литературы изданием истории греческой и римской литературы. Профессор старой выучки, педант, монархист, забывавшийся в сладостной тишине книг, делавший вид, что не замечает советскую власть и думает лишь о многозначности греческих слов, Соболевский требовал по много раз переписывать статьи, чтобы добиться ясности. Только два способа научиться писать было дано той эпохе: многократное перебеливание перебеленного и подражание образцам, старым авторитетам, которые воспринимались не только как блестители стиля, но и как проводники душ. Двое друзей со студенческих лет, Сергей Аверинцев и Михаил Гаспаров, избрали себе проводников среди поэтов начала века: Гаспаров — Валерия Брюсова, а Аве-

ринцев — Вячеслава Иванова. Если Вячеслав Великолепный, поэт, вернувший в русскую речь торжественные славянизмы, учил подолгу размышлять, пока не изменится сама твоя жизнь, пока ты вдруг не откроешь себя другого, то Брюсов, игрок и жертва мод, напоминал о скротечности времени: не то что за это время надо много чего сделать, но время надо уметь пережить, даже когда ты решаешь самые важные задачи — только тогда ты вовремя отчитаешься за сделанное не-притворным отчетом без всяких натяжек. «И когда я умру, отслуживши», «Я отдаю тебе строгий отчет» — все эти строки Осипа Мандельштама, толкованию наследия которого Гаспаров отдал немало сил, могли бы стоять эпиграфом к его научной работе.

Десятилетиями М.Л. Гаспаров обрабатывал огромный литературный материал, создавая новые жанры краткого изложения. Сам он считал, что его этому научило написание сотен библиотечных аннотаций, энциклопедических статей и глав в историях литературы. Советский дефицит бумаги требовал краткости изложения: сам Гаспаров писал бисерным почерком на карточках или листочках, а в небольшой заметке мог изложить почти всё. Из этого опыта возникла его из-

вестная детская книга «Занимательная Греция», в которой анекдотические рассказы раскрывают особый сюжет: что древние греки тоже умели прощаться с иллюзиями, часто рыдая, но иногда и смеясь. Была создана и другая книга, вышедшая уже в середине 1990-х, «Записи и выписки» — рабочие тетради и одновременно мемуары филолога, который слышит грозный голос судьбы в библиотеках и в архивах, в веселости и страхе писательской жизни, в роковых увлечениях писателей, — но этот голос судьбы оказывается частью большого романа, который вместе с писателем мысленно пишет читатель. Писательскую технику М.Л. Гаспарова можно сблизить с московским концептуализмом, с наследием лианозовской школы или с поэтическими картотеками Льва Рубинштейна, но еще ближе к ней труды античных филологов, обитателей Музея в эллинистической Александрии, которые тщательно сокращая и конспектируя произведения, тем самым проясняли, чего хочет само произведение: на что направлена его тема или что необычного вдруг раскрывается в его жанре. Последователи М.Л. Гаспарова в шутку называли себя орденом Сократителей — с ссылкой к Сократу, умевшего потрясти воображение одной репликой.

Статьи, вошедшие в эту книгу, писались в 1970-е и в 1980-е годы. Статья «Поэзия и проза — поэтика и риторика» направлена против романтического представления об античной и средневековой литературе. Поэзия, как подчеркивает Гаспаров, никогда не была в особо выигрышном культурном положении: понимался ли поэт как пророк, друг богов или законодатель, как и всем пророкам, ему не находилось места средь шума людского. Но античность по достоинству оценила другое свойство поэзии: умение смягчать нравы, правда сказать, это свойство реализовывала не поэзия, а прозаические подражания этой поэзии, умение разыгрывать те же темы в новых стилистических одеждах, или же менять тему, если жесткая норма стиля требует верности себе. Именно этим занималась риторика, которую М.Л. Гаспаров не сводит ни к политически оправданному красноречию, ни к искусству быстрого достижения целей в устном выступлении. Риторика — особый стиль подражания поэзии, порождающий новые поэтические и прозаические жанры и новые способы отношения к действительности. Гаспаров сопоставил три вида красноречия, эпидиктическое (описание), судебное и совещательное с тремя